

НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ХОЛОКОСТА В КРУСТПИЛСЕ (СУДЬБА БЕЛЛЫ ВЕЙДЕ)

Все еще мало известно о величайшей трагедии минувшего XX столетия, которая постигла народ Латвии, — о почти полном уничтожении его еврейской части во время нацистского оккупационного режима. Еще меньше известно об убийствах евреев, живших вне крупных городов Латвии (Риги, Даугавпилса, Лиепая). Советская власть, которая более сорока лет демонстрировала в Латвии самовосхваляемую человечность, наказывая военных преступников, по сути, не стремилась выяснить личности убитых. После мученической смерти евреи были лишены своей идентичности. Провозглашалось, что «фашистские захватчики и их подручные из местного населения уничтожили то или иное количество советских граждан». В свою очередь, убийц приговаривали к наказанию как «предателей Родины». Суровость наказания часто определялась тем, какие отношения — обычно враждебные — в то время были между Советским Союзом и Израилем. Об установлении имен невинно убиенных людей речь обычно не шла, так как в противном случае пришлось бы подчеркнуть, что убитыми были евреи, которые во время Второй мировой войны пострадали несравненно больше других народов, проживавших на оккупированных нацистской Германией территориях. Исследования, касавшиеся гибели евреев, квалифицировались как проявление еврейского буржуазного национализма. Запрет относился не только к исследованиям и к научно-популярным статьям, но и к памятным знакам на местах массовых захоронений убитых евреев¹.

Население Латвии, в особенности молодежь, которая не видела эту трагедию своими глазами, держалось в полном неведении, и таким образом продолжалась начатая нацистами работа по разгрому народа Латвии. Установление имени каждой жертвы — гражданина нашего государства — является хоть и небольшим, но важным шагом к очищению нашей совести. В свою очередь, исследование преступлений и установление имен убийц — это не унижение или оскорбление латышского народа, а путь к истинному покаянию по поводу случившегося и обвинение оккупационному режиму, который породил таких убийц.

В отличие от массовых убийств, где среди исполнителей существовало «разделение труда», в латвийской провинции подготовка акций, задержание жертв, их сбор, конвоирование и расстрел зачастую осуществлялись одними и теми же людьми. Уничтожая небольшую группу людей, в отличие от массовых расстрелов евреев, убийце приходилось смотреть в глаза каждому обреченному на смерть старику, женщине, подростку, ребенку. Однако это обычно не вызывало в палачах ни капли жалости или сострадания. Нацистские прислужники не признавали евреев равноценными людьми и их уничтожение цинично считали естественным.

Евреи могли спастись от Холокоста только при помощи людей других национальностей. Террор нацистского режима, всеобщая атмосфера страха, разжигание

патологической ненависти и травля евреев, а также неевреев, которые осмеливались сочувствовать своим согражданам, действовали парализующе и деморализующе. Все было перевернуто с ног на голову — человечность была провозглашена преступлением, а убийство и предательство — «патриотическими поступками». Возможно, именно поэтому было мало людей, спасавших евреев, а большинство составляли равнодушные.

К настоящему времени самым масштабным исследованием трагедии еврейского народа в Латвии является книга Андриевса Эзергайлуса «Холокост в Латвии. 1941—1944»², однако и после выхода этой книги неисследованным остался вопрос о Холокосте в малых городах Латвии. Уничтожение евреев в Крустпилсе (ныне в составе города Екабпилса) и в находившейся поблизости Крустпилсской волости упомянуто лишь в некоторых трудах, изданных на латышском и русском языках. В сборнике «Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны» при описании уничтожения евреев Латвии упомянуто, что на территории Крустпилсской волости в августе 1941 г. были расстреляны евреи из Гостини и Крустпилса³. В сборнике авторы ссылаются на статью в газете “*Brīvā Daugava*” («Свободная Даугава»)⁴, где кратко описывается уничтожение евреев на находящемся недалеко от Крустпилса болоте Какишу. Холокост в Крустпилсе упоминается и в переведенной на латышский язык книге Дова Левина «История евреев в Латвии. От начала поселения до наших дней»⁵. Информация о численности убитых в Крустпилсе людей имеется в актах, составленных Чрезвычайной государственной комиссией⁶ по Латвийской ССР⁷.

В художественной литературе, в романе Гунара Анатолия Яновскиса (1916—2000) «Город у реки»⁸, одна из сюжетных линий связана с Холокостом в Крустпилсе, который в романе назван Катринпилсом. В произведении хорошо отражена атмосфера того времени, а историческими фактами автор, как принято в этом жанре, манипулирует свободно — искажая их.

В 1935 г. в Крустпилсе проживали 1043 еврея, или 28,52 % от общей численности населения⁹. Из-за тенденции численности еврейского населения в малых городах Латвии к уменьшению можно утверждать, что к 1941 г. она сократилась.

Одной из жительниц Крустпилса еврейской национальности была Белла (*идиш *Бейле*) Вейде. Основываясь на материалах архива бывшего Комитета государственной безопасности (КГБ) при Совете министров Латвийской ССР¹⁰, изучив трагическую судьбу девушки и другие преступления ее убийц, можно пролить свет лишь на некоторые эпизоды Холокоста в Крустпилсе и Крустпилсской волости. Разумеется, необходимо фундаментальное исследование о Холокосте в Крустпилсе, Екабпилсе и Гостини.

Белла Вейде и ее семья

Кем была Белла Вейде? Сохранились показания сестры девочки — Цили Лазаренко, данные в 1967 г. во время судебного процесса над одним из убийц Б. Вейде¹¹, воспоминания Руты Сирснини (урожд. Залите), а также составленные 12 февраля 1935 г. в ходе всеобщей переписи населения Латвии переписные листы на жителей города Крустпилса. Они свидетельствуют, что Белла Вейде родилась 12 сентября 1921 г. в Крустпилсе, где постоянно проживала. В 1935 г. Б. Вейде училась в школе, которую к тому времени посещала уже четыре года. Девушка умела говорить и писать по-латышски, а также знала идиш, на котором говорили в семье¹². В анкете не указана школа, однако, поскольку в городе имелась Крустпилсская городская еврейская шестилетняя основная школа¹³, можно утверждать, что в ней училась и Б. Вейде.

Белла Вейде (первая слева в третьем ряду) в кругу семьи и близких (фото 1939 г.) (ЛГА, 1986, ф. 1, оп. 1, д. 45124, т. 2, л. 135)

Отцу Б. Вейде в Крустпилсе, в доме семьи Шпунгиных на ул. Ригас, 188, принадлежала парикмахерская, в которой он работал со своей семьей. Б. Вейде и ее семья — отец Ицхок (р. 26 ноября 1894 г.¹⁴; здесь и далее год и дата рождения даны в скобках), мать Хая (декабрь 1894 г.¹⁵), брат Иссер (14 мая 1916 г.¹⁶), сестры Цивья (16 августа 1917 г.¹⁷), Геся (14 сентября 1920 г.¹⁸) и Эстер (30 июля 1930 г.¹⁹) жили в Крустпилсе на улице Краста, 57. Однако Ц. Лазаренко в 1967 г. называла членов семьи Вейде другими именами — отец Соломон (в анкете 1935 г. — Ицхок), мать Голда (Хая), брат Миша (Иссер), сестры Циля (Цивья), Герта (Геся) и Муся (Эстер)²⁰. Квартира, в которой жила семья Вейде на улице Краста, состояла из трех комнат и кухни. Она имела печное отопление, водопровода не было, для освещения использовались керосиновые лампы²¹. Для сравнения: из 824 квартир в городе Крустпилсе в то время электричество было проведено в 327, а водопровод имелся лишь в 26²².

И спустя шесть лет, после начала войны между СССР и Германией, семья Вейде жила в Крустпилсе, где отец Б. Вейде по-прежнему работал парикмахером. Сама Б. Вейде уже окончила Крустпилскую еврейскую шестилетнюю основную школу и в 1941 г. училась в Рижской школе кинофикации, так как хотела стать киномехаником. Там девушку, разлученную с семьей, и застала война. Германская армия заняла Крустпилс утром 28 июня 1941 г.²³, т.е. даже раньше, чем Ригу. После прихода немецких войск Б. Вейде приехала в Крустпилс, а ее семья с приближением фронта уже подавалась на восток. Отметим, что от Крустпилса до Риги по железной дороге 130 км²⁴.

Судьба евреев Крустпилса в июле 1941 г.

В июле 1941 г. судьба Б. Вейде в Крустпилсе сложилась так же, как и у других евреев города, которые не успели или не пожелали эвакуироваться. Сведения о времени ареста евреев Крустпилса, о том, как долго их держали в заточении в здании скотобойни и когда переместили в гетто и расстреляли на болоте Какишу, противоречивы.

Массовые аресты евреев в Крустпилсе происходили в первой половине июля 1941 г. Даты, упомянутые в материалах бывшего архива КГБ, заметно разнятся, например 4 июля²⁵ и 12 июля²⁶ 1941 г. В любом случае это произошло самое позднее 12 июля, поскольку в этот день в списке постов крустпилского отделения самоохранны²⁷ значится пост у «места размещения жидов»²⁸.

Выполняя распоряжение нацистских оккупационных властей, старший полицейский крустпилской полиции Карлис Балодис (1893—?) и городской голова Мартиныш Оскар Ветра (р. 1908) приказали собрать всех евреев в одном месте²⁹. Всем евреям Крустпилса в определенное время было приказано собраться на рыночной площади города — якобы для того, чтобы отправиться на прополку сахарной свеклы. Когда большая часть евреев собрались на рыночной площади, полицейские и члены самоохранны окружили площадь. К. Балодис выступил перед собравшимися с речью, в которой подчеркнул, что они провинились перед латышским народом, предав его во время советской оккупации, и теперь они должны понести наказание. После повторения типичных измышлений нацистской пропаганды вооруженные члены самоохранны и полицейские отконвоировали всех евреев в заранее подготовленную городскую скотобойню. Евреи были заключены в здании скотобойни, у которого была выставлена охрана, а полицейские и члены самоохранны еще продолжали осматривать квартиры евреев, арестовывая и уводя на скотобойню тех, кто не явился на рыночную площадь. Скотобойня в Крустпилсе находилась рядом со Старым еврейским кладбищем³⁰. Когда евреи уже находились в здании скотобойни, отдельные члены самоохранны и полицейские сводили с ними счеты из личной ненависти³¹.

Примерно через неделю всех заключенных на скотобойне евреев переместили в *гетто, которое было устроено в здании бывшей Крустпилской еврейской школы по улице Ригас, 182. Несомненно, это произошло до 18 июля³². Помимо этого евреи Крустпилса были заключены на территории Крустпилского сахарного завода и имения Яунамуйжа. В гетто было согнано около 400 человек³³, в основном старики, женщины и детей, а его начальником стал Альберт Гаевскис (р. 1907)³⁴.

Условия жизни в гетто были нечеловеческими. Охрана всячески издевалась над евреями: ведя их купаться на Даугаву (Зап. Двина), бросала в них камнями, привязывала к хвостам лошадей, водила по улицам Крустпилса и избивала плетью, заставляла унижительным способом чистить городские улицы, полоть траву и т.д.³⁵ В качестве примера унижения еврейских женщин, которое, возможно, пережила и Б. Вейде, приведем цитату из воспоминаний жителя города Крустпилса Олега Калниньша (р. 1915): «Когда граждане еврейской национальности были арестованы, однажды утром я увидел, как Альберт Гаевскис, который в то время состоял в Крустпилской группе антисоветской «самоохранны» и считался комендантом еврейского гетто, сам пригнал к берегу Даугавы примерно пятьдесят женщин еврейской национальности и заставил их раздеваться догола. Среди этих женщин были и молодые еврейки. Если какая-либо из женщин не хотела раздеваться, Гаевскис бил ее кнутом. Таким образом Гаевский заставил раздеваться всех евреек, а потом загнал их в воду, чтобы те вымылись. Затем женщины вышли из воды, оделись, и Гаевскис погнал их обратно в гетто»³⁶.

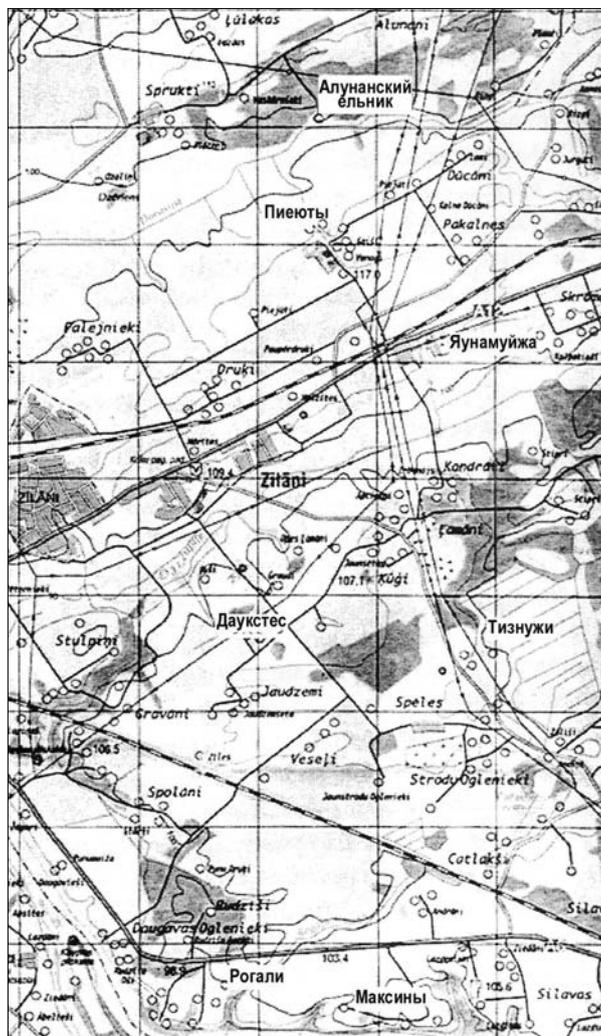
Разумеется, как на скотобойне, так и позднее в гетто евреев грабили. У них отнимали драгоценности как местные, так и приехавшие из Даугавпилса представители «новой Европы»³⁷. Обитатели Крустпилского гетто были убиты на болоте Какишу, но судьба Б. Вейде сложилась иначе.

Молодые евреи на хуторе Максины Крустпилсской волости

В конце июля 1941 г. в Крустпилс прибыл хозяин хутора Максины Крустпилсской волости Петерис Залитис (1898—1969). На улице Ригас возле гетто он встретил знакомую престарелую еврейскую женщину, личные данные которой в 1967 г. он уже не помнил³⁸. Женщина попросила П. Залитиса взять к себе Б. Вейде, так как хотела спасти девушку от гетто. Выполняя просьбу еврейки, П. Залитис в тот же день пошел к начальнику гетто

А. Гаевскису и с его согласия забрал Б. Вейде из гетто, поскольку крестьяне имели право под расписку на определенное время брать евреев для выполнения сельскохозяйственных работ. В 1967 г. П. Залитис называл А. Гаевскиса Юрисом³⁹. Возможно, это было второе имя коменданта гетто Крустпилса, который позднее похвалялся тем, что был, по его словам, «хозяином жидов» Крустпилса⁴⁰.

Таким образом, Б. Вейде покинула гетто и попала в Максины. О принадлежащем П. Залитису хуторе Максины в анкетах переписи населения 1935 г. значится, что это хозяйство старого образца, в котором питьевую воду берут из Даугавы, а для освещения используют керосиновые лампы⁴¹. Помимо П. Залитиса в доме проживали его жена Анна Залите (1904—1989), дети Янис Илмарс (1928—1961), Рута (1932) и Алдонис (1936), а также бабушка П. За-

На фрагменте карты окрестностей Крустпилса русским шрифтом отмечены места, где разворачивались упоминаемые в статье события

литиса — Майя Максина (1852—1936). П. Залитису принадлежало хозяйство площадью 21 га⁴².

В малом поселке Максина⁴³ на берегу Даугавы — примерно в 6 км от Крустпилса в сторону Ливаны — было четыре хозяйства, которые все назывались Максина и находились недалеко друг от друга на линии в полкилометра. Летом 1941 г. в одном доме поселка жил П. Залитис, в другом — Альберт Лугинс (1910—1980), в третьем — Альберт Блументалс (1902—1988), а в четвертом — его двоюродный брат Фридрих Блументалс (ок. 1911—?).

В Максина Б. Вейде собирала ягоды, помогала заготавливать на зиму варенье и делала другую работу, за что П. Залитис кормил ее. Спустя несколько дней после того, как П. Залитис привел Б. Вейде из гетто, к нему пришли четыре еврейских мальчика 14—16 лет и попросили, чтобы П. Залитис дал им работу и накормил их. Подростки рассказали, что они пришли из Ливаны, убежав от расстрела. Залитисы их накормили и оставили у себя. Эти мальчики убежали из Ливаны после одной из первых двух акций по уничтожению еврейского населения города, когда в лесу Гривас, в двух километрах от Ливаны в сторону Даугавпилса, в первый раз 26 июля 1941 г.⁴⁴ было расстреляно примерно 100⁴⁵, а во второй раз, также в июле, — около 60—70 евреев⁴⁶.

Семья Залитисов не укрывала Б. Вейде, ибо девушка была официально на время освобождена из гетто Крустпилса, но четверо бежавших из Ливаны мальчиков жили в Максина нелегально. Ни имена, ни фамилии их П. Залитис не помнил. Его сосед А. Лугинс в 1967 г. показал, что один из мальчиков сказал ему, что приходится сыном Вассарману из Ливаны, а остальные своих фамилий не назвали⁴⁷. Подростки выполняли различные сельскохозяйственные работы и прожили на хуторе Максина примерно неделю. О том, что у П. Залитиса жили Б. Вейде и четыре мальчика, разумеется, было известно жителям окрестных домов. Например, жена А. Блументалса Алида Блументале вспоминала, что «Б. Вейде была красивой еврейской девушкой, которая очень тщательно выполняла хозяйственные работы в Максина»⁴⁸.

В то время как в окрестностях евреев унижали и уничтожали, в Максина пятеро молодых евреев в течение недели жили в человеческих условиях. Жившая в Прейли еврейская девочка Шейна Грам (1925—1941) в своем дневнике почти в это же время задает риторический вопрос: «Неужели для еврейской молодежи все уже кончилось?»⁴⁹ К сожалению, это была последняя неделя в жизни Б. Вейде и четырех мальчиков. Единственным их преступлением было то, что они «посмели» родиться евреями, которым абсурдная расовая теория нацистских оккупантов не предусматривала права на жизнь.

Убийство у Рогали Крустпилского уезда

В начале августа 1941 г. одним воскресным вечером к П. Залитису с ближайших хуторов Крустпилской волости пришли пять полицейских и членов самоохранны — старший полицейский Крустпилской волости Петр Гибже (1900—?) из Дреймани, полицейский Крустпилской волости в Трепмуйже Карлис Балодис из Гаршпурви (1912—1993), полицейский 4-го участка полиции Екабпилсского уезда Альбертс Озолиньш из Тейли (1918—1966) и члены самоохранны Янис Авотиньш из Лямани в Айзупе (1909—?) и Освальд Калниньш из Куги (1910—1946).

Позднее ни преступники, ни свидетели не вспомнили точную дату, но все указывали на то, что убийство Б. Вейде и четырех мальчиков произошло во время убор-

ки урожая ржи⁵⁰. Календарь за 1941 г. свидетельствует о том, что воскресенье в начале августа выпадали на 3 и 10 число. Изучив различные показания, можно заключить, что убийство произошло 3 августа 1941 г. А. Залите показала, что в то время осуществлялось массовое уничтожение еврейских граждан, особенно много их было расстреляно на болоте Какишу, которое находится недалеко от крустпилского аэродрома⁵¹. В свою очередь, в нескольких уголовных делах бывшего архива КГБ указано, что расстрел евреев произошел там 1 августа 1941 г.⁵² Известно, что на болоте Какишу в один день были расстреляны евреи как из Крустпилса, так и из Гостини. Об уничтожении крустпилских евреев нацистская пресса того времени не сообщает; в свою очередь, о судьбе евреев Гостини в газете "*Jēkabpils Vēstnesis*" («Екабпилсский вестник») можно найти несколько фраз, написанных анонимным латышским коллаборационистом: «...Гостини теперь освобождены от жидов. Часть жидов сбежали вместе с коммунистами, остальных 31 июля выслали из города...»⁵³ В соответствии с нацистской терминологией слова «освободить от жидов» и «выслать» означали, что евреев либо готовят к расстрелу, либо они уже расстреляны.

Свидетель убийства Янис Блументалс (1913—1987) подчеркнул, что во время расстрела живших в Максинах евреев граждане еврейской национальности уже были расстреляны на торфяном болоте Куку⁵⁴. Я. Блументалс, который охранял работавших на торфяном болоте Куку евреев и одновременно работал там техником, вспоминал, что расстрел произошел в конце июля 1941 г.⁵⁵ Бывший крустпилский полицейский Оскар Освальд Зиедс (р. 1917) свидетельствовал, что на этом торфяном болоте евреи были расстреляны еще до акции на болоте Какишу⁵⁶, т.е. в июле 1941 г. Впрочем, в уголовных делах КГБ встречается и информация о том, что акция на болоте Куку произошла 10 августа 1941 г.⁵⁷, однако в этом случае еврейские подростки могли быть расстреляны лишь 17 августа, а это уже не начало месяца. Основным аргументом в пользу того, что убийство произошло 3 августа, является то, что Б. Вейде была расстреляна примерно через неделю после освобождения из гетто, которое просуществовало до 31 июля или 1 августа.

В тот воскресный августовский вечер П. Гибже вызвал к себе по телефону начальник полицейского участка Крустпилса капитан Янис Круминьш (1903—?)⁵⁸. Полицейский участок в городе во время нацистской оккупации находился в двухэтажном доме на улице Ригас, 115⁵⁹. Когда П. Гибже явился к Я. Круминьшу, у того уже собрались К. Балодис и О. Калниньш. Начальник участка приказал П. Гибже вместе с К. Балодисом и О. Калниньшем отправиться в Максинах, задержать пятерых еврейских подростков и расстрелять их. По пути к этой троице присоединились Я. Авотиньш и А. Озолиньш. Неизвестно, кто отдал подобный приказ Я. Круминьшу. Способ отдачи приказов в различных местах был различным, но в 1941 г. уездные начальники полиции не могли не быть задействованы в операциях по уничтожению евреев⁶⁰; в свою очередь, Я. Круминьш был в прямом подчинении у начальника полиции Екабпилсского уезда, от которого часто получал приказы по телефону⁶¹.

Место и ход расстрела еврейских подростков уже заранее планировались с таким расчетом, чтобы операция прошла как можно более организованно. Приближаясь к дому П. Залитиса, полицейские и члены самообороны вначале свернули в рощи вдоль дороги кустарник в хозяйстве Рогали, где выбрали подходящее место для расстрела, и лишь затем отправились по шоссе в сторону Даугавпилса и свернули на проселочную дорогу в Максинах.

П. Гибже и К. Балодис были одеты в форму, а А. Озолиньш, О. Калниньш и Я. Авотиньш — в гражданскую одежду. П. Залитис узнал в них местных жителей.

Войдя в комнату, П. Гибже спросил у П. Залитиса, почему тот не доставил в Крустпилс на расстрел живших у него еврейских подростков. П. Гибже угрожал, что теперь они будут расстреляны во дворе хутора Максина и П. Залитису самому придется там же закопать убитых. П. Залитис сказал, что у него тоже есть дети, которые не должны этого видеть, а также указал на то, что во дворе твердая земля и поэтому там трудно вырыть яму. Он попросил, чтобы Б. Вейде и четырех подростков не убивали на его дворе. Что же мог противопоставить П. Залитис вооруженным «представителям власти»? Со стороны П. Гибже это было лишь утрашением, поскольку место экзекуции было уже выбрано. Во время разговора все еврейские мальчики находились в сарае, расположенном на расстоянии 10 м от жилого дома⁶², а Б. Вейде — в комнате вместе с А. Залите. Девушка слышала, какую судьбу ей уготовили полицейские и члены самоохранны. После того как Б. Вейде приказали собрать ее личные вещи, она оставила на память дочери Залитисов Руте коробочку со своей фотографией и несколькими адресами⁶³.

Убийцы распорядились, чтобы П. Залитис объяснил подросткам, что их поведут в имение Яунамуйжа косить рожь. Имение Яунамуйжа находилось возле железной дороги Крустпилс—Резекне, более чем в 5 км от Максина. В июле 1941 г. там, так же как и на Крустпилском сахарном заводе и на торфозаводе Куку, был организован трудовой лагерь для евреев⁶⁴. Полицейские и члены самоохранны выгнали подростков во двор и приказали П. Залитису запрячь лошадь. На хуторе П. Залитиса лошади не было, поэтому он не мог выполнить приказ. В то же самое время к дому П. Залитиса подошли Я. и Ф. Блументалсы.

Я. Блументалс работал на торфяном болоте Куку и в конце недели приезжал в гости к своему брату А. Блументалсу в Максина. Я. Блументалс со своим двоюродным братом Ф. Блументалсом в тот день в находящихся примерно на расстоянии 5 км Деллес Крустпилской волости⁶⁵ праздновали окончание сенокоса и в тот вечер на велосипедах ехали в Максина. Брата Я. Блументалса не было дома, поэтому оба отправились пить пиво в дом Ф. Блументалса. Дорога вела мимо дома П. Залитиса, возле которого их остановили К. Балодис и Я. Авотиньш и сообщили им о том, что жившие у Залитисов евреи будут расстреляны. Убийцы приказали П. Залитису, а также Я. и Ф. Блументалса взять лопаты и вырыть яму, в которую будут закопаны жертвы. Повинуясь приказу, Я. Блументалс пошел к себе домой за лопатой. Его дом располагался в 65—70 м в юго-восточном направлении⁶⁶.

Когда Б. Вейде выгнали во двор, девушка плакала, так как понимала, что ее ведут на расстрел; мальчики-подростки этого не понимали. Из присутствующих свидетелей происходящее больше всего переживали А. Залите и ее дети.

К. Балодис, Я. Авотиньш, А. Озолиньш и О. Калниньш конвоировали евреев по проселочной дороге, которая северо-восточнее хутора Максина вела к шоссе Рига—Даугавпилс. Дойдя до шоссе, они свернули налево, т.е. в сторону Риги. Вещи подростков и девушки полицейские приказали П. Залитису доставить на следующий день в полицейский участок Крустпилса.

Когда полицейские и члены самоохранны вместе с евреями ушли, П. Гибже, П. Залитис и Ф. Блументалс пошли по другой проселочной дороге, которая вела от дома П. Залитиса мимо домов Ф. Блументалса и А. Лугинса в северо-западном направлении к шоссе Рига—Даугавпилс. Вначале они взяли лопату на хуторе Ф. Блументалса, затем направились на хутор А. Лугинса, которому П. Гибже тоже приказал взять лопату и следовать за ним. П. Гибже лгал, говоря, что произошла катастрофа и надо зарыть лошадь. Лишь по пути А. Лугинс узнал от Ф. Блументалса, что будут расст-

реляны жившие у Залитиса евреи, которых и следовало закопать. Таким образом, П. Гибже вместе с «могильщиками» также последовал в сторону шоссе Рига—Даугавпилс, но по другой дороге, нежели полицейские и члены самоохраны с будущими жертвами. Недалеко от шоссе их догнал Я. Блументалс. П. Гибже вместе с П. Залитисом, Ф. и Я. Блументалсами и А. Лугинсом перешли шоссе Рига—Даугавпилс возле кустарника у Рогали. Почти одновременно К. Балодис, Я. Авотиньш, А. Озолиньш и О. Калниньш привели туда еврейских подростков. Обреченных на смерть вывели на открытое место, вокруг которого было лишь несколько кустов.

Кустарник хозяйства Рогали, если идти по шоссе Рига—Даугавпилс и по проселочной дороге, которая ведет от этого шоссе к хутору Максина, находится на расстоянии 1,7 км (1 км по шоссе и 0,7 км по проселочной дороге) от принадлежавшего П. Залитису хутора Максина⁶⁷. В направлении Риги кусты росли напротив молочного пункта, где снимали сливки, в хозяйстве Рогали, в 10 м справа от шоссе Рига—Даугавпилс⁶⁸. На это место полицейские привели подростков и расстреляли их.

Свидетели, которые были вынуждены участвовать в этой акции, находились на расстоянии примерно 20 м от места расстрела⁶⁹ и хорошо видели расстрел.

Полицейские и члены самоохраны приказали двум подросткам лечь, а остальным идти в сторону карьера, где брали гравий. Когда трое евреев, среди которых была и Б. Вейде, прошли несколько шагов, К. Балодис, Я. Авотиньш, А. Озолиньш и О. Калниньш встали позади них, вынули пистолеты и несколько раз выстрелили. До этого убийцы прятали пистолеты в карманах. Подростки тут же упали. Затем полицейские и члены самоохраны приказали оставшимся двум еврейским подросткам встать и идти по направлению к убитым. Обреченные на смерть шли, спотыкаясь от страха. К. Балодис, Я. Авотиньш, А. Озолиньш и О. Калниньш, стоя позади подростков, убили их из пистолетов. Это произошло в течение нескольких секунд на закате солнца. Летний вечер был тихим, поэтому выстрелы были хорошо слышны. Их можно было слышать и в Максина, и А. Залите поняла, что в рогальском осиннике расстреляли подростков.

Хотя акцией руководил П. Гибже, расстрелом командовал не он. П. Гибже даже утверждал, что это ему казалось ужасным, поэтому он не помнил детали расстрела, так как по возможности даже не смотрел в ту сторону⁷⁰. Непосредственно после расстрела евреев П. Гибже приказал П. Залитису, А. Лугинсу и Я. и Ф. Блументалсам вырыть могилу в старом гравийном карьере. После того как те начали копать, К. Балодис, Я. Авотиньш, А. Озолиньш и О. Калниньш сказали, что они еще должны расстрелять евреев на находящемся неподалеку хуторе Тизнужи Крустпилсской волости, и ушли. П. Гибже остался с копавшими могилу, которые в гравийном карьере вырыли могилу примерно в человеческий рост и поместили туда трупы убитых. После того как могила была зарыта, П. Гибже ушел в том же направлении, что и остальные убийцы.

Местные жители узнали о случившемся уже на следующее утро. Жившей по соседству с Рогали на хуторе Рудзиши Милде Озолине (р. 1909) старый Калниньш с хутора Андраны утром сказал, что предыдущей ночью были убиты евреи, и указал в сторону гравийного карьера. М. Озолиня подошла туда и увидела яму, засыпанную свежесырытым желтым песком, который был утрамбован мужскими сапогами.

В 1967 г. М. Озолиня вспоминала, что якобы в 1944 г. останки расстрелянных евреев вместе с гравием были вырыты экскаватором и увезены на машинах в неизвестном направлении. Кто увез, куда и зачем — этого М. Озолиня не знала, поскольку сама этого не видела, но об этом говорили многие⁷¹. Если это было действительно

но так, то этому можно найти простое объяснение — нацистские убийцы с приближением Красной армии старались, где это было возможно, замести следы своих преступлений, уничтожая останки убитых.

В свою очередь, тракторист колхоза «Лаукэзерс» Екабпилсского района Янис Бичолис (р. 1939), ничего не знавший о трагедии в Рогали, весной 1966 г. работал в гравийных карьерах у Рогали. Зачерпывая гравий, он нашел нижнюю челюсть человека. Я. Бичолис продолжал копать и позднее, однако человеческих костей больше не находил⁷².

В ходе расследования уголовных дел одного из убийц подростков — К. Балодиса — следователи следственного отдела КГБ при Совете министров Латвийской ССР 12 июля 1967 г. проверили показания П. Залитиса и А. Лугинса об обстоятельствах расстрела пяти еврейских подростков в кустарнике у Рогали⁷³. Через 26 лет после убийства местность очень изменилась, и оба свидетеля уже не могли найти место расстрела и указали на разные гравийные карьеры, располагавшиеся на расстоянии 80 м друг от друга⁷⁴. Возможно, поэтому в ходе проверки гравийных карьеров 26 июля 1967 г. ничего не было обнаружено⁷⁵. Может быть, права была М. Озолина, говорившая об уничтожении останков расстрелянных.

Во время Второй мировой войны семья Вейде жила в России, где в 1942 г. умерла сестра Б. Вейде — Гёся (Герта), а в феврале 1943 г. — отец⁷⁶. После окончания войны члены семьи Вейде возвратились в Латвию и от жителей Крустпилса узнали, что Б. Вейде погибла во время Холокоста. Лишь около 1960 г. Ц. Лазаренко случайно узнала о том, что ее сестра вместе с четырьмя еврейскими подростками была расстреляна неподалеку от Рогали, а в 1965 или 1966 г. А. Лугинс рассказал ей об обстоятельствах расстрела и примерно показал место убийства Б. Вейде⁷⁷.

Версии о расстреле евреев у Тизнужи

В обстоятельствах убийства евреев у хутора Тизнужи имеется много неясного. Хутор Тизнужи располагался примерно на расстоянии в 3 км от Максины. П. Гибже утверждал, что после расстрела на велосипеде уехал домой, а остальные полицейские также разошлись. П. Гибже, будучи старшим полицейским Крустпилсской волости, хорошо знал, что в Тизнужи тогда не было ни одного еврея.

Хозяин хутора Тизнужи Робертс Звайгзне (1896—?) тоже утверждал, что ни в его доме, ни в окрестностях не был расстрелян ни один еврей. В тот день, когда неподалеку от Рогали были расстреляны пять евреев, ни один полицейский в Тизнужи не появлялся⁷⁸. Правда, в начале войны в Тизнужи одну неделю жило около 30 еврейских семей из Крустпилса⁷⁹, с которыми Р. Звайгзне был знаком еще до войны. В доме на хуторе Тизнужи было только две комнаты⁸⁰, и еврейские семьи жили в одной комнате и в сарае. В 1966 г. Р. Звайгзне помнил четыре семьи, которые летом 1941 г. жили в Тизнужи: Липман, Цивьян и Балсун с женами и Шпунгин с женой и двумя детьми⁸¹.

Когда нацисты оккупировали Екабпилсский уезд, был издан приказ, в соответствии с которым всем жителям Крустпилса, покинувшему город, следовало в течение трех дней вернуться на свои места проживания, в противном случае их квартиры были бы заняты другими людьми⁸². Поскольку у Р. Звайгзне была всего лишь одна лошадь, всех живших в Тизнужи евреев отвезти он не мог. В один день Р. Звайгзне отвез в Крустпилс семью Липманов и Шпунгиных, а на следующий день — семью Цивьянов и Балсунов. В то же время из Тизнужи уехали и остальные евреи⁸³.

О семьях Липманов и Цивьянов известно несколько больше. Мотель Элизер Липман (1875—1941) жил в Крустпилсе, на улице Ригас, 111—1, и в 1935 г. был руководителем представительства компании нефтепродуктов “*The Shell*” в Крустпилсе⁸⁴. К тому же в 1931 г. он был избран членом городской думы Крустпилса⁸⁵, а в мае 1933 г. — товарищем (заместителем) председателя городской думы Крустпилса⁸⁶. Его женой была Ханна Липман (1877—1941)⁸⁷. До 1934 г. обоим принадлежал аптекарский магазин, который после замужества унаследовала их дочь⁸⁸.

Абрам Цивьян (1890—1941) жил в Крустпилсе на улице Ригас, 175—1, и был владельцем часовой мастерской и магазина золотых и серебряных изделий, находившегося на улице Ригас, 175⁸⁹. Его женой была Бася Цивьян (1894—1941)⁹⁰.

Однако в материалах архива бывшего КГБ имеются свидетельства о том, что евреи были убиты и у Тизнужи⁹¹. В некоторых из них названы даже конкретные имена стрелявших: «...полицейские Крустпилсской волости Авотиньш Янис, Калниньш Освальд и брат Калниньша, которые находились под начальством Гибже Петра, расстреливали в 1941 г. сов[етских] граждан еврейской национальности на хут[оре] Тизнужи Крустпилсской волости»⁹². И: «...в лесу у м. Тизнужи Крустпилсской волости было расстреляно 36 евреев разных возрастов. В расстреле принимали участие два брата Гибже, отец и сын Авотиньши из дер. Лямани, Лукс-тиньш из дер. Лямани и Рубенис»⁹³. Подобные разночтения по поводу событий на хуторе Тизнужи труднообъяснимы.

Из всех убийц Б. Вейде и еврейских мальчиков-подростков лишь К. Балодис больше не участвовал в других акциях Холокоста, у остальных подобных эпизодов было предостаточно. Далее следуют краткие биографии участников расстрелов и перечислены другие совершенные ими во время войны преступления.

Краткие сведения об участниках убийства

Карлис Балодис в 1936—1939 гг. работал на железнодорожных станциях Эдоле и Тадайки в Курземе⁹⁴. В 1939—1940 гг. он был полицейским в Алсунге и Вайнёде. Осенью 1940 г., когда с установлением советской власти К. Балодис был уволен из полиции, он вернулся в Крустпилс, где работал в магазине.

После нападения нацистской Германии на Советский Союз К. Балодис поступил на полицейскую службу в Крустпилсской волости. Летом 1942 г. он был переведен на работу полицейским в Гостини, а в январе 1943 г. зачислен в 275-й полицейский батальон, в составе которого служил в Риге и Дундаге. В августе 1944 г., когда батальон послали на фронт, К. Балодис дезертировал и до конца войны скрывался в Дундагской и Эдольской волостях Вентспилсского уезда. Впоследствии в Дундагской волости он приобрел фальшивые документы, которые предъявил в Кулдигском фильтрационном пункте после капитуляции нацистской Германии. 11 августа 1945 г. работники советских репрессивных органов его задержали, однако 10 сентября 1945 г. уголовное дело было прекращено, поскольку К. Балодис дезертировал из полицейского батальона, а факт службы в полиции до этого он скрыл. Его направили в фильтрационный лагерь в Эстонию, откуда он был освобожден 20 июня 1946 г.⁹⁵ После освобождения К. Балодис не пытался оформить себе подлинные документы и жил с фальшивыми вплоть до 22 июля 1967 г.⁹⁶, когда его арестовали за участие в расстреле Б. Вейде и четырех еврейских подростков.

В ходе расследования уголовного дела К. Балодиса были допрошены оба еще оставшихся в живых участника расстрела — Я. Авотиньш и П. Гибже. Удивительно, насколько одинаково оба убийцы — К. Балодис и Я. Авотиньш пытались себя

оправдать. И один, и второй утверждали, что участвовать в акции они были взяты совершенно неожиданно, не знали, какая судьба ждет еврейских подростков, оба шли позади остальных и в тот раз у них не было с собой оружия, к тому же все свидетели оговаривают их. К. Балодис даже утверждал, что советовал П. Гибже освободить подростков, чтобы они могли уйти в другую волость⁹⁷. На суде в своем последнем слове К. Балодис также отрицал то, что убил еврейских подростков, и просил сохранить ему жизнь: «Уважаемый суд, я действительно не замарал своих рук, я лишь присутствовал при расстреле. Я скрывался от немцев, я честно работал. От всего сердца прошу суд сохранить мне жизнь, я очень сожалею о содеянном»⁹⁸. Как ответ на попытки убийц оправдать себя звучат слова Я. Блументалса: «...все они стреляли — кто больше, кто меньше, сказать трудно. Факт то, что в результате этих выстрелов граждане еврейской национальности были застрелены»⁹⁹.

Я. Авотиньш на нескольких первых допросах давал неверные показания, поскольку боялся, что его могут повторно осудить за участие в убийстве¹⁰⁰. Так же действовал и П. Гибже, который, после того как следственные работники объяснили ему, так же как и Я. Авотиньшу, что они за свои преступления уже понесли наказание и больше наказаны не будут, признался: «...противоречия в моих показаниях появились из-за того, что я боялся рассказать об этом расстреле откровенно, поскольку думал, что меня вновь, еще раз могут привлечь к ответственности»¹⁰¹. Из-за такого подхода следователей П. Гибже и Я. Авотиньш избежали наказания, и, таким образом, между участием в одном или нескольких преступлениях был поставлен знак равенства.

Уголовное дело К. Балодиса с 14 по 18 сентября 1967 г. в закрытом судебном заседании в Риге рассматривала коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР¹⁰². Заслушав показания свидетелей, объяснения подсудимого и рассмотрев все материалы дела, судебная коллегия констатировала, что, проанализировав и оценив проверенные в ходе судебного заседания доказательства, участие подсудимого К. Балодиса в расстреле пяти подростков еврейской национальности подтверждается свидетельскими показаниями. Рассматривая вопрос о наказании, суд принял во внимание, «что он совершил опасное государственное преступление — предал Родину, после вторжения фашистских войск на территорию Латвийской ССР добровольно перешел на сторону врага, поступил на службу в карательные органы фашистских оккупантов и активно участвовал в убийстве невинных детей»¹⁰³. Как свидетельствует судебный приговор, убийство подростков упоминается в списке преступлений в последнюю очередь, а на первом месте стоит предательство родины.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР приговорила К. Балодиса к 15 годам лишения свободы без конфискации имущества «за отсутствием такового»¹⁰⁴. К. Балодис отбывал наказание в Мордовии и был освобожден из заключения 11 сентября 1981 г.¹⁰⁵

Решением Верховного суда Латвийской Республики от 19 января 1999 г. по делу К. Балодиса в реабилитации было отказано¹⁰⁶.

Петр Гибже до 1937 г. служил в латвийской армии в звании сержанта и был начальником пограничного поста, а с 1937 по 1940 г. работал в полиции. При советской власти, в 1940—1941 гг., работал в сельском хозяйстве и строительстве. Когда в июле 1941 г. Латвию оккупировали немецкие войска, П. Гибже поступил на работу в полицию Крустпилсской волости, где быстро продвигался по служебной лестнице: в августе 1941 г. ему было присвоено звание лейтенанта полиции, в 1942 г. — звание старшего лейтенанта, а в августе 1943 г. — капитана.

С января 1942 г. по июль 1944 г. П. Гибже работал старшим уголовным инспектором полиции Лудзенского уезда, начальником 4-го полицейского участка Лудзенского уезда и начальником 1-го полицейского участка города Лудзы, а затем вместе с германской армией отступил в Курляндию. В январе 1945 г. он был назначен помощником начальника 2-го полицейского участка Айзпутского уезда в Алшванге, где проработал вплоть до 9 мая 1945 г.

После капитуляции германской армии П. Гибже жил на нелегальном положении, а затем создал группу национальных партизан и скрывался в Айзпутском уезде. В сентябре 1945 г. после объединения его партизан с партизанской группой Яниса Лапиньша он стал заместителем последнего. П. Гибже был арестован 15 октября 1946 г. в Риге¹⁰⁷, куда он явился на встречу командиров групп национальных партизан. Советские следователи не допрашивали П. Гибже о его деятельности в начале войны в Крустпилсской волости, их интересовал только послевоенный период. Военный трибунал внутренних войск МВД Латвийской ССР 24 апреля 1947 г. приговорил П. Гибже к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества¹⁰⁸. Решением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 9 августа 1947 г. высшая мера наказания была заменена П. Гибже 25 годами лишения свободы, поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества¹⁰⁹. Созданная 26 апреля 1956 г. комиссия Верховного Совета СССР по пересмотру дел репрессированных сократила ему срок до 15 лет¹¹⁰, а 5 апреля 1958 г. П. Гибже был освобожден из заключения в Озерлаге¹¹¹ (в районе Тайшета, в Восточной Сибири. — *Ред.*).

Решением Верховного суда Латвийской Республики от 19 сентября 1991 г. в реабилитации по делу П. Гибже было отказано, но 22 сентября 1997 г. его, единственного из убийц Б. Вейде и четырех еврейских подростков, все же реабилитировали¹¹².

Известно, что помимо убийства еврейских подростков у Рогали П. Гибже участвовал в арестах евреев в 1941 г., присваивал себе имущество арестованных и убитых евреев и таким образом наживался¹¹³.

Я н и с А в о т и н ь ш до 1935 г. работал в сельском хозяйстве, а затем до начала войны — на Крустпилском сахарном заводе. В июле 1941 г. Я. Авотиньш вступил в группу самоохраны, в которой состоял до ее реорганизации осенью 1941 г. во вспомогательную полицию В 1943 г. Я. Авотиньшу присвоили звание лейтенанта и назначили командиром взвода 2-й роты охраны Екабпилсской уездной полиции. В этой должности Я. Авотиньш охранял военные объекты, а в 1944 г. уже как командир роты охраны возглавлял охрану лагеря советских военнопленных на торфяном болоте Куку. После капитуляции нацистской Германии в 1945 г. Я. Авотиньш приобрел фальшивую справку на имя Петериса Авотиньша, на основании которой в 1948 г. получил документы и скрывался от органов советской власти.

В первый раз Я. Авотиньш был арестован 30 мая 1950 г.¹¹⁴ Он был обвинен в том, что служил во вспомогательной полиции, полицейской роте охраны, а также в том, что был членом самоохраны, и в подделке документов. Военный трибунал внутренних войск МВД Латвийской ССР 5 октября 1950 г. приговорил Я. Авотиньша к 25 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества¹¹⁵. 21 ноября 1955 г. на основании амнистии, объявленной Президиумом Верховного Совета СССР, Я. Авотиньш был освобожден из мест заключения в Караганде¹¹⁶, а 13 июня 1958 г. он был арестован повторно¹¹⁷. 11 сентября 1958 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР приговорила Я. Авотиньша к лишению свободы на 25 лет без поражения

в правах и без конфискации имущества¹¹⁸. Из второго места заключения в Мордовии Я. Авотиньш был освобожден 13 декабря 1967 г.¹¹⁹

Решением Верховного суда Латвийской Республики от 25 апреля 1996 г. в реабилитации по делу Я. Авотиньша было отказано¹²⁰.

В конце июля или начале августа 1941 г. рано утром Я. Авотиньш вместе с членами самоохраны О. Калниньшем, Владимиром Ломсом (р. 1922) и Петерисом Гринфелдсом-Старсом (р. 1908) арестовал живших в Пиеноты Крустпилсской волости у крестьянки Анны Вейнберги (1881—?) трех еврейских женщин в возрасте примерно от 35 до 70 лет и 15-летнего еврейского мальчика из гетто Крустпилса, которые временно были заняты на сельскохозяйственных работах. Имена всех четырех евреев, к сожалению, остались неизвестными. Свидетель расстрела Петерис Гравитис (р. 1909) в своих показаниях говорил, что одна пожилая еврейская женщина в Пиеноты пасла скот А. Вейнберги, вторая — довольно молодая — работала по дому, а третья была вместе с сыном¹²¹. Арестованных евреев члены самоохраны отвели в ельник возле Алунаны, в так называемые Алунанские елки, примерно в двух километрах от Пиеноты. Затем Я. Авотиньш и О. Калниньш в лесу расстреляли всех четырех евреев. Убийцы забрали себе все вещи и одежду жертв и приказали крестьянам из Пиеноты П. Гравитису, Индрикису Дауксте-Салиньшу (1895—?), Карлису Золбергу (1889—1948) и рабочему А. Вейнберги Сидору Цыганову вырыть могилу¹²². После расстрела трех женщин и мальчика в ельнике Я. Авотиньш послал В. Ломса и П. Гринфелдса-Старса в Сманы расстрелять жившего у крестьянина Петериса Фрейвалдса (1899—?) на хуторе Лиелие-Сманы еврейского мальчика 14—15 лет, что оба члена самоохраны и сделали¹²³.

А л ь б е р т О з о л и н ь ш родился во время Первой мировой войны в окрестностях Смоленска в России. До службы в армии он работал в сельском хозяйстве. Осенью 1940 г. во время службы в 4-й батарее 623-го артиллерийского полка 24-го территориального (латвийского) корпуса Красной армии А. Озолиньш вступил в подпольную организацию «Латвийский национальный легион», целью которой было вооруженное восстание против советской власти в Латвии, и вовлек в эту организацию также своего брата Петериса Озолиньша.

В начале июля 1941 г. А. Озолиньш вступил в группу самоохраны города Крустпилса и через несколько недель стал полицейским 4-го участка полиции Екабпилса. В феврале 1943 г. в составе 281-го полицейского батальона он выезжал в Белоруссию, где в окрестностях Освеи участвовал в карательных операциях против советских партизан и в депортации местных жителей в Германию. В апреле 1943 г. А. Озолиньш возвратился со службы в полицейском батальоне и вплоть до августа 1944 г. продолжал служить в полиции Крустпилса.

С сентября по ноябрь 1944 г. А. Озолиньш служил в строительном батальоне германской армии в Курляндии, а до начала 1945 г. — в районе города Торн в Германии (ныне Торунь в Польше). По окончании артиллерийских курсов германской армии на территории оккупированной Чехословакии в апреле 1945 г. он вернулся в «Курляндский котел» и вплоть до капитуляции нацистской Германии служил во 2-м дивизионе 12-й батареи тяжелой артиллерии полка 19-й дивизии СС.

12 мая 1945 г. А. Озолиньш был задержан в Кулдигском уезде и отправлен в фильтрационный лагерь МВД СССР в Ванино (400 км за Комсомольском-на-Амуре), откуда был освобожден 7 октября 1946 г.¹²⁴ 20 января 1947 г.¹²⁵ А. Озолиньш был арестован за службу в немецкой полиции. 27 мая 1947 г. военный трибунал внутренних войск МВД Латвийской ССР приговорил его к 20 годам каторжных ра-

бот¹²⁶, но уже 28 января 1956 г. А. Озолиньш был освобожден из лагеря в Воркуте по амнистии¹²⁷.

Повторно А. Озолиньш был арестован 13 апреля 1965 г.¹²⁸

28 декабря 1965 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР приговорила А. Озолиньша к смертной казни через расстрел. Приговор был приведен в исполнение 16 мая 1966 г.¹²⁹

Решением Верховного суда Латвийской Республики от 7 апреля 1998 г. в реабилитации по делу А. Озолиньша было отказано¹³⁰.

Во второй половине июля 1941 г. А. Озолиньш вместе с крустпилскими полицейскими Оскаром Мазулансом (1916—1966), Владимиром Граудиньшем (1915—1943) и др. увезли на подводе пятерых евреев из гетто Крустпилса в лес Спуньгену (в сторону Риги) и в 33 м слева от шоссе Рига—Даугавпилс на так называемом пригорке Манту столкнули их в старый гравийный карьер и расстреляли. В 1965 г. судебная медико-техническая экспертиза установила, что были убиты три женщины и один мужчина в возрасте от 35 до 60 лет. Пол пятой жертвы установить не удалось¹³¹.

В конце июля 1941 г. А. Озолиньш вновь вместе с полицейскими О. Мазулансом, В. Граудиньшем, О. О. Зиедсом, комендантом гетто А. Гаевским и др. поздно вечером из Крустпилса на двух подводах увезли на пригорок Манту 20 евреев, которых, так же как и в первом случае, на расстоянии 43 м влево от шоссе Рига—Даугавпилс столкнули в гравийный карьер и расстреляли. Среди жертв была и жившая в начале войны в Тизнужи Х. Липман. Когда у леса Спуньгену евреи поняли, что их ведут на расстрел, они начали плакать, кричать и просить спасти им жизнь. Разумеется, на убийц это никак не повлияло. После акции участники расстрела лишь присыпали убитых, поэтому спустя несколько дней некоторым из убитых пришлось закапывать трупы еще раз. Медико-техническая экспертиза 1965 г. свидетельствует, что были расстреляны семь женщин и десять мужчин в возрасте от 25 до 70 лет, главным образом пожилые люди, а пол трех жертв установить не удалось¹³².

Среди обреченных на смерть была и душевнобольная еврейская женщина. Участники акции не расстреляли ее, а закопали живой. На следующий день она вылезла из ямы и пришла в Крустпилс. А. Озолиньш вместе с О. Мазулансом поймали женщину, отвели в лес и расстреляли¹³³.

Все 25 расстрелянных в Спуньгенском лесу 8 августа 1965 г. были перезахоронены на Асотском кладбище¹³⁴, расположенном у границы города Крустпилса. Имена жертв, за исключением Х. Липман, установить не удалось.

В начале августа 1941 г. А. Озолиньш принимал участие в конвоировании нескольких сотен арестованных еврейских граждан из гетто Крустпилса и с Крустпилского сахарного завода на бывшее стрельбище Латгальского артиллерийского полка латвийской армии на болоте Какишу и в их массовом убийстве. В ходе этой акции А. Озолиньш лично расстрелял 8—10 человек¹³⁵. В этот день в районе торфяного болота Какишу было расстреляно около 1700 евреев¹³⁶.

В июле 1941 г. А. Озолиньш в составе группы из 10—15 крустпилских полицейских вместе с Петерисом Аузиньшем (1888—?), В. Граудиньшем, А. Гаевским и др. охраняли место расстрела около 400 екабпилских евреев на торфяном болоте Куку и после расстрела участвовал в захоронении жертв¹³⁷.

Однако описанные выше «подвиги» А. Озолиньша блекнут по сравнению с двумя другими убийствами, в которых он участвовал, если здесь вообще уместно сравнение.

В июле 1941 г. начальник полиции Крустпилса Я. Круминьш приказал своим подчиненным О. О. Зиедсу и Игорю Калниньшу (р. 1924) арестовать одну еврейскую женщину вместе с младенцем, которая жила в Крустпилсе на углу улиц Зилану и Видземес (ныне Я. Райниса). Вероятно, ее фамилия была Годфрид¹³⁸. У женщины уже было двое детей, а в начале оккупации она была беременна, поэтому во время массового ареста евреев не была арестована. О. О. Зиедс и И. Калниньш доставили женщину и ее ребенка, которому было всего три дня, в полицейский участок, где старший лейтенант Гибже приказал конвоировать обреченных на смерть на еврейское кладбище. Неизвестно, был ли этот Гибже участником убийства вышеуказанной Б. Вейде Петром Гибже или его братом Андреем Янисом Гибже (р. 1910). На еврейском кладбище уже была вырыта яма, возле которой находились А. Озолиньш, О. Мазуланс и другие полицейские. Женщине, державшей на руках своего новорожденного ребенка, приказали встать на краю ямы, и полицейские выстрелили в них. Женщина с ребенком упала в яму. Участники расстрела еще проверили, убиты ли жертвы, и после этого зарыли яму¹³⁹. В 1965 г. А. Озолиньш забыл об этом ужасающем убийстве и оправдывался: «...допускаю возможность, что я летом 1941 г. участвовал в аресте и расстреле гражданки еврейской национальности с улицы Зилану на еврейском кладбище вместе с ее новорожденным ребенком, но сейчас я лично такого случая совершенно не помню»¹⁴⁰.

В конце июля или в начале августа 1941 г. А. Озолиньш вместе с полицейскими городского полицейского участка Крустпилса П. Аузиньшем и В. Граудиньшем явились на хутор Даукстес Крустпилсской волости, где у хозяина хутора Петериса Дауксте (1893—?) жили шесть евреев, привезенных из гетто Крустпилса: бывший владелец сапожной мастерской в Крустпилсе, на ул. Зилану, 10, Моисей Лейбович (1868 г. рожд.¹⁴¹); его дочь — жена торговца скотом Мотеля Морейна — Лея Морейн (р. 23 мая 1911 г.¹⁴²); сын дочери — Калман Хаим Морейн (р. 26 марта 1937 г.¹⁴³); жена сына М. Лейбовича — Исаака, владелица продовольственного магазина в Крустпилсе, на ул. Ригас, 35, Эсфирь Геня Лейбович (р. 28 декабря 1904 г.¹⁴⁴) и ее дети — Иосель Лейбович (р. 17 февраля 1932 г.¹⁴⁵) и Цива Дрейва Лейбович (р. 13 июня 1937 г.¹⁴⁶).

В июле 1941 г. дочь хозяина хутора Даукстес Зента Дауксте (р. 1923), проходя мимо гетто в Крустпилсе, увидела М. Лейбовича и Л. Морейна, которых хорошо знала ее семья. Оба просили З. Дауксте, чтобы она забрала их из гетто. З. Дауксте стало жалко евреев, и она, хотя ей было всего 18 лет, не переговорив с родителями, взяла из гетто на сельскохозяйственные работы М. Лейбовича, его дочь и невестку, а также трех внуков.

В июне 1941 г., после начала войны, Лейбовичи уже прожили несколько дней на хуторе Даукстес, спасаясь от возможной бомбардировки Крустпилса. Когда советские войска отступили, другие еврейские семьи, которые разместились в соседству с домом П. Дауксте, направились в Варакляны и затем эвакуировались в отдаленные районы СССР. Они звали с собой и семью М. Лейбовича, но те отказались, поскольку обе женщины ждали возвращения своих мужей и у них на попечении были малолетние дети, а также престарелый М. Лейбович, который в 1941 г. был почти слепым.

Семья Лейбовичей прожила на хуторе Даукстес примерно неделю. Еврейские женщины помогали хозяевам на сельскохозяйственных работах. В это время на хутор несколько раз приезжал П. Аузиньш, чтобы проверить, заняты ли евреи работой или им только дают еду.

Эсфирь Геня Лейбович (урожд. Карлина), убитая летом 1941 г. у хутора Даукстес Крустпилской волости, в кругу семьи (вторая слева во втором ряду) (фото 1931 или 1932 г.) (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 1, л. 277)

тановки пушки на перекрестке дороги, ведущей с хутора Даукстес к хутору Спели, с дорогой из Яунземби на хутор Стипри.

На следующий день около двух часов дня в дом Я. Путниньша пришли А. Озолиньш, В. Граудиньш и П. Аузиньш. Все трое были вооружены винтовками. Зайдя во двор, они приказали П. Приедниексу запрячь лошадей и следовать за А. Озолиньшем. Когда А. Путнинья спросила, куда они направляются, А. Озолиньш и П. Аузиньш «остроумно» объяснили, «что идут стрелять собак Петериса Даукстес»¹⁴⁷.

А. Озолиньш явился к П. Дауксте один, а В. Граудиньш и П. Аузиньш остались в соседском доме. А. Озолиньш приказал, чтобы евреи собрали свои вещи, поскольку их будут переводить в другое место. В это время во двор на подводе въехал сосед Дауксте — П. Приедниекс. Когда евреи сложили свои вещи в повозку, А. Озолиньш не позволил сесть им туда самим, а приказал следовать за повозкой пешком. Подъехав к соседскому хутору Даукстес, В. Граудиньш приказал П. Приедниексу оставить подводу с вещами евреев у сарая, а сам вместе с П. Аузиньшем и А. Озолиньшем повел евреев в направлении вырытой накануне ямы. Во время конвоирования к месту расстрела евреи вели себя спокойно, только обе женщины немного нервничали. Возможно, догадывались, какую судьбу им уготовили трое «героев», но не могли в это поверить?

Подготовленное для убийства место находилось на расстоянии 800 м от хутора Даукстес¹⁴⁸. В невысоком кустарнике у ямы В. Граудиньш громко заявил, что евреев здесь расстреляют. Услышав это, Л. Морейн бросилась на шею к П. Аузиньшу и стала умолять спасти их. В. Граудиньш и А. Озолиньш, в свою очередь, стали кричать на П. Аузиньша, что он позволяет еврейке обнимать себя, пусть же стреляет в нее. П. Аузиньш оттолкнул от себя женщину¹⁴⁹.

Что же произошло дальше?

Полицейские столкнули евреев в яму и затем расстреляли. Выполняя приказ лейтенанта крустпилской полиции Александра Буллитиса (1903—?), они расстреляли шесть человек, в том числе двух малолетних мальчиков и девочку.

По соседству с хутором П. Дауксте находилась другой хутор Даукстес, на котором в одной части дома жили Янис Путниньш (р. 1904) с женой Алмой Путниньей (р. 1906) и тестем Николаем Даукте (1874—?), а в другой части — Петерис Приедниекс (1872—1949) с женой Мартой Приедниексе (1901—?).

В конце июля или начале августа 1941 г. П. Аузиньш приказал Н. Дауксте и П. Приедниексу вырыть в лесу яму глубиной примерно 1,50 м — якобы для ус-

К сожалению, в разграблении имущества расстрелянных в данном случае помимо убийц участвовали и некоторые соседи П. Даукстес¹⁵⁰. Неразграбленные вещи убитых евреев П. Приедниекс позднее по указанию полицейских отвез в Крустпилс, где сдал их в полицейский участок.

Останки убитых у хутора Даукстес евреев в августе 1960 г. брат Э. Г. Лейбович — Абрам Карлин (1902—?) перезахоронил на Асотском кладбище¹⁵¹.

Как следственные органы советской власти установили личности расстрелянных у хутора Даукстес? Уже 27 октября 1944 г. начальник особого пункта милиции на станции Крустпилс Латвийской железной дороги старший лейтенант милиции Беляев составил акт наружного осмотра могилы, где, по имевшимся в его распоряжении данным, были захоронены «...Лейбович Мейен 70 лет, его дочь Лея Морейн 30 лет, ее сын примерно 5 лет, Лейбович Сивко 3 лет и другие — всего шесть чел[овек]»¹⁵². Тем не менее военный трибунал внутренних войск НКВД Латвийской ССР 17 марта 1945 г. осудил П. Аузиньша за то, что он вместе с В. Граудиным и А. Озолиным на хуторе Даукстес расстрелял пять граждан еврейской национальности — четырех женщин и одного мужчину¹⁵³. Трое малолетних детей «превратились» в женщин. Эту версию рассказал следователям П. Аузиньш, надеясь таким образом получить меньшее наказание, чем за убийство детей.

В 1965 г. в обвинительном заключении А. Озолиныша говорится, что убийцы расстреляли: «Лейбовича, примерно 70 лет, его дочь Лею Морейн, 38 лет, и ее ребенка 3—4 лет, сноху Моисея Лейбовича Геню Лейбович и двоих ее детей: сына Иосифа 9 лет и дочь Циву шести лет...»¹⁵⁴ Следователи и спустя 20 лет не стремились установить ни подлинные имена расстрелянных, ни их действительный возраст, что для них, очевидно, не имело большого значения. В архивах эти сведения, основываясь на показаниях свидетелей, можно было бы найти без проблем.

Следует добавить, что А. Озолиныш не запомнил ни женщин, ни малолетних детей, а только лишь одного старика¹⁵⁵.

Кровавые дела и воспоминания А. Озолиныша лучше всего характеризуют и его собственные слова. 21 апреля 1965 г., отвечая на вопрос следователя, о каких случаях расстрела людей он еще не рассказывал, А. Озолиныш ответил: «Я следственным органам чистосердечно и откровенно рассказал обо всех случаях, когда в немецкую оккупацию участвовал в расстрелах советских граждан. Я не хочу и не могу категорически утверждать, что сейчас я открыл следственным органам совершенно все случаи, когда я в период немецкой оккупации участвовал в убийстве советских граждан, возможно, еще есть случаи, когда я участвовал в убийствах групп или отдельных советских граждан и о которых я еще не рассказал следственным органам, но я не стремлюсь скрывать это, только сейчас, через столько лет не могу

Дети Эсфири Гени Лейбович — Цива Дрейва и Иосель, убитые у хутора Даукстес Крустпилсской волости летом 1941 г. (фото 1940 или 1941 г.) (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 1, л. 278)

вспомнить»¹⁵⁶. Одно из преступлений, которое преступник не мог или не хотел вспомнить, было убийство Б. Вейде и четырех подростков у Рогали.

Хотя А. Озолиньш совершил много преступлений, в своем последнем слове на суде, оправдывая себя, он просил: «Я был молодым и горячим, я многого не понимал, поэтому и совершил преступления. На преступления меня подбила жена брата, сказав, что брата убили в июне 1941 г. ... Прошу сохранить мне жизнь, чтобы я мог помогать жене, дочери»¹⁵⁷. В действительности брат А. Озолиньша — П. Озолиньш был приговорен к смертной казни 21 октября 1941 г. в Астрахани военным трибуналом Сталинградского гарнизона¹⁵⁸. Но разве за это должны были заплатить своими жизнями невинные жертвы?!

Освальд Калниньш (меньше всего информации имеется о нем) в 1935 г. был сельскохозяйственным рабочим¹⁵⁹. Летом 1941 г. вступил в крустпилсскую группу самообороны¹⁶⁰ и участвовал в расстреле евреев на болоте Какишу¹⁶¹. Осенью 1941 г. О. Калниньш служил во вспомогательной полиции¹⁶², а в июне 1942 г. во 2-й охранной роте полиции Екабпилсского уезда¹⁶³. Он единственный из убийц Б. Вейде не был судим и уже 24 июня 1946 г. в возрасте 35 лет умер в Крустпилсской волости от туберкулеза легких¹⁶⁴.

*

Что случилось с посредником между нацистскими оккупационными властями и прямыми исполнителями убийств — Я. Круминьшем? КГБ при Совете министров Латвийской ССР в сентябре 1965 г. было известно, что бывший начальник полиции города Крустпилса Я. Круминьш находится за границей¹⁶⁵, таким образом ему удалось избежать наказания. Свою старость он провел в эмиграции и умер в Кливленде (штат Огайо, США).

В малых городах Латвии, по сравнению с Ригой, Даугавпилсом и Лиепайей, проживало намного меньше евреев, и они были уничтожены в более короткие сроки. В малых городах даже у трудоспособных евреев не было никаких шансов избежать смерти. В Латвии нацисты, несмотря на известную немецкую пунктуальность, даже не вели учет расстрелянных, так как убийства осуществлялись в спешке. К тому же евреи в глазах представителей «высшей расы» были предназначенной для уничтожения «массой недочеловеков», поэтому главной задачей было собрать их и следить за тем, чтобы ни один из них не избежал смерти.

Распространенным явлением было то, что местные коллаборационисты, участвовавшие в расстрелах на болотах Куку и Какишу, потом ходили по домам и расстреливали евреев, временно освобожденных или бежавших из гетто, присваивая себе имущество убитых либо приказывая крестьянам отвезти его в крустпилсский полицейский участок. К тому же убийцы обычно приказывали жителям окрестных домов рыть могилы для обреченных, а также часто свержали свои черные дела в присутствии свидетелей. Как непосредственные исполнители, так и лица, отдававшие соответствующие приказы, были из Крустпилса или его ближайших окрестностей. Немцы обычно не присутствовали при расстрелах таких небольших групп евреев, давая волю «инициативе» и «самодеятельности» своих местных приспешников. В любом месте Латвии местные убийцы уменьшали психологическую нагрузку на палачей «высшей расы», к тому же в определенной мере юридическая ответственность таким образом возлагалась на «аборигенов», которые, к сожалению, часто старались выслужиться перед нацистской оккупационной властью даже в большей мере, чем этого от них требовали. Ни один истинный патриот Латвии не участвовал в преступлениях Холокоста и глубоко презирал прислужников гитлеровцев, руки которых были запятнаны кровью невинных людей.

Убийцы не могли в деталях вспомнить ход уничтожения небольших групп евреев, так как у них подобных эпизодов было несколько, а у некоторых даже множество. Но помнили свидетели. Очевидцы преступлений были вынуждены беспомощно взирать на убийство невинных людей, на то, как некоторые соседи и знакомые за повязку члена самоохраны или за «честь» полицейского, выданное оккупантами оружие и иллюзию превосходства продавали свою совесть, предали и опозорили народ Латвии, спокойно лишая жизни своих сограждан.

Убийцы Б. Вейде и четырех мальчиков, а также свидетели этого преступления уже мертвы. Некоторые живущие сейчас в Максине люди даже ничего не слышали об августовском расстреле 1941 г. вблизи их хутора. Лишь памятник на еврейском кладбище в Асоте, у подножия которого не суждено покоиться всем жертвам нацистских убийц, напоминает о трагедии Холокоста в Крустпилсе и его окрестностях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Vestermanis M.* Holokausts Latvijā: Historiogr. apsk. // *Ārzemju literatūra par Latviju*. R., 1992. 1. laid. 123. lpp.
- ² *Ezergailis A.* The Holocaust in Latvia, 1941—1944: A missing center. Riga, [1996]. В переводе на латышский язык в дополненном виде книга вышла под названием «Холокост в оккупированной немцами Латвии» (*Ezergailis A.* Holokausts vācu okupētajā Latvijā, 1941—1944. R., 1999).
- ³ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. Рига, 1970. С. 305.
- ⁴ *Nāves un moku purvs // Brīvā Daugava*. 1944. 22. dec.
- ⁵ *Levins D.* Ebreju vēsture Latvijā: No apmešanās sākumiem līdz mūsu dienām. [Jeruzaleme, s. a.] 112. lpp.
- ⁶ См. прим. 94 на с. 369.
- ⁷ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. Р-132, оп. 26, д. 12, л. 5, 9, 42; оп. 29, д. 21, л. 3, 6; оп. 30, д. 16, л. 10, 11, 16.
- ⁸ *Janovskis G.* Pilsēta pie upes // *Laiks*. 1989. 3. jūn. (66 turp.).
- ⁹ *Ceturttā tautas skaitīšana Latvijā 1935. g. R., 1937. 4. sēj.:* Tautība. 297. lpp.
- ¹⁰ Архив КГБ при СМ Латвийской ССР в 1991 г. был передан в ведение Прокуратуры Латвийской Республики, а в 1996 г. — в Латвийский государственный архив.
- ¹¹ Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 2, л. 130—134; т. 3, л. 246.
- ¹² ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 13042, л. 618.
- ¹³ *Latvijas pilsētas valsts 20 gados*. R., 1938. 325. lpp.
- ¹⁴ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 13044, л. 396.
- ¹⁵ Там же, д. 13042, л. 190.
- ¹⁶ Там же, д. 13044, л. 531.
- ¹⁷ Там же, д. 13042, л. 647.
- ¹⁸ Там же, л. 572.
- ¹⁹ Там же, л. 619.
- ²⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 2, л. 133.
- ²¹ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 10311, л. 31.
- ²² *Daugavpils aprīķis: Dzīve un darbs*. R., 1937. 9. lpp.
- ²³ *Mūsu vēsturiska diena 28. jūnijs // Jēkabpils Vēstn.* 1941. 23. jūl.
- ²⁴ *Maldups A.* Aprīķu un pagastu apraksti. R., 1937. 547. lpp.
- ²⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 14, л. 179.
- ²⁶ Там же, т. 9, л. 232.

- ²⁷ См. прим. 30 на с. 367.
- ²⁸ ЛГИА, ф. 3705, оп. 1, д. 3, л. 5.
- ²⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 4, л. 63. Упомянутый здесь Карлис Балодис в конце войны бежал за границу. Один из убийц Б. Вейде — также Карлис Балодис — другое лицо. У Мартиньша Оскара Ветры до 1940 г. была фамилия Валковскис.
- ³⁰ В 60-е гг. адрес бывшей скотобойни был: улица Пиониеру, 20, в наши дни — улица Палеяс, 32.
- ³¹ ЛГА, ф. 1086, оп. 1, д. 45050, т. 1, л. 114—115. Например, однажды вечером члены самоохранный Николай Карабанов (р. 1913) и Павел Стуре (1921—1945) увели со скотобойни и расстреляли у старого еврейского кладбища еврейского лавочника 40—50 лет, личность которого не установлена.
- ³² Там же, т. 9, л. 233.
- ³³ Там же, л. 30.
- ³⁴ Там же, л. 233. В списках членов крустпилского подразделения самоохранный А. Гаевскис числился вольнонаемным работником.
- ³⁵ Там же, л. 102, 271, 298; т. 11, л. 80.
- ³⁶ Там же, т. 11, л. 132.
- ³⁷ Там же, т. 13, л. 187, 188; т. 1, л. 115—116.
- ³⁸ Там же, д. 45124, т. 2, л. 108.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же, д. 45050, т. 10, л. 200.
- ⁴¹ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 14083, л. 671.
- ⁴² ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 1, л. 23.
- ⁴³ Jēkabpils 3431 // Latvijas Republikas satelītkarte mērogā 1 : 50 000. R., 1999. Далее в тексте расстояние между Максины и каким-либо другим объектом также будет указано по этой карте.
- ⁴⁴ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45144, т. 6, л. 133.
- ⁴⁵ Там же, л. 131.
- ⁴⁶ Там же, л. 135.
- ⁴⁷ Там же, д. 45124, т. 1, л. 40.
- ⁴⁸ Информация Алиды Блументале (1911—1986), переданная автору 4 июня 2000 г. ее сыном Янисом Блументалсом (р. 1941).
- ⁴⁹ Цит по: *Богоявленская С.* Дневник Шейны Грам — исторический и человеческий документ // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 433.
- ⁵⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 1, л. 33; т. 2, л. 81, 86, 155, 170, 175, 184, 237, 276.
- ⁵¹ Там же, т. 2, л. 126.
- ⁵² Там же, д. 45050, т. 15, л. 87, 90, 97; д. 45124, т. 3, л. 98.
- ⁵³ Jauna dzīve Gostīnos un Pļaviņās // Jēkabpils Vēstn. 1941. 28. aug.
- ⁵⁴ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 1, л. 33; т. 2, л. 87.
- ⁵⁵ Там же, д. 21459, л. 212.
- ⁵⁶ Там же, д. 45050, т. 9, л. 35.
- ⁵⁷ Там же, т. 14, л. 336; т. 13, л. 380.
- ⁵⁸ Янис Круминьш официально считался начальником 4-го полицейского участка Екабпилсского уезда (центр участка находился в Крустпилсе).
- ⁵⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, т. 9, л. 78.
- ⁶⁰ *Ezergailis A.* Op. cit. 367. lpp.
- ⁶¹ ЛГИА, ф. 3705, оп. 1, д. 1, л. 1.
- ⁶² ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 2, л. 118.
- ⁶³ Информация Р. Сирсини автору, 12 июля 2000 г.
- ⁶⁴ Piezīmes par Krustpils atbrīvošanu // Jēkabpils Vēstn. 1941. 31. jūl.

- ⁶⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 1, л. 33.
- ⁶⁶ Там же, т. 2, л. 118.
- ⁶⁷ Там же, л. 120.
- ⁶⁸ Там же, л. 104.
- ⁶⁹ Там же, т. 1, л. 27, 37; т. 2, л. 60, 64, 70, 90, 276, 289.
- ⁷⁰ Там же, т. 2, л. 177, 279.
- ⁷¹ Там же, л. 237.
- ⁷² Там же, л. 242, 243.
- ⁷³ Там же, л. 102—106, 116—122.
- ⁷⁴ Там же, л. 105.
- ⁷⁵ Там же, т. 3, л. 2—6.
- ⁷⁶ Там же, т. 2, л. 133.
- ⁷⁷ Там же, л. 132.
- ⁷⁸ Там же, л. 187.
- ⁷⁹ Там же, д. 45050, т. 1, л. 102.
- ⁸⁰ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 14084, л. 586.
- ⁸¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 11, л. 103.
- ⁸² Там же, д. 45124, т. 2, л. 187.
- ⁸³ Там же, д. 45050, т. 11, л. 103.
- ⁸⁴ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 13044, л. 272.
- ⁸⁵ Valdības Vēstn. 1931. 10. apr.
- ⁸⁶ Pašvaldības Balss. 1933. Nr. 6. 204. lpp.
- ⁸⁷ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 13042, л. 308.
- ⁸⁸ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 9, л. 269.
- ⁸⁹ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 13044, л. 414.
- ⁹⁰ Там же, д. 13042, л. 268.
- ⁹¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 14, л. 324.
- ⁹² Там же, д. 1666, т. 6, л. 212.
- ⁹³ Там же, л. 221.
- ⁹⁴ См. прим. 17 на с. 285.
- ⁹⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 3, л. 275.
- ⁹⁶ Там же, т. 2, л. 3.
- ⁹⁷ Там же, л. 47.
- ⁹⁸ Там же, т. 3, л. 257.
- ⁹⁹ Там же, т. 2, л. 290.
- ¹⁰⁰ Там же, л. 154.
- ¹⁰¹ Там же, л. 174.
- ¹⁰² Там же, т. 3, л. 262.
- ¹⁰³ Там же, л. 265.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же, д. 45124. (Информация из учетной карточки.)
- ¹⁰⁶ Там же, т. 3, л. 278. (Заключение Верховного суда Латвийской Республики сделано на основании Закона ЛР от 3 августа 1990 г. «О реабилитации незаконно репрессированных лиц».)
- ¹⁰⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 1666, т. 1, л. 182.
- ¹⁰⁸ Там же, т. 9, л. 407.
- ¹⁰⁹ Там же, т. 12, л. 297.

- ¹¹⁰ Там же, л. 345.
- ¹¹¹ Там же, д. 1666. (Информация из учетной карточки.)
- ¹¹² Там же, т. 12, л. 345.
- ¹¹³ Там же, т. 6, л. 211, 214, 220.
- ¹¹⁴ Там же, л. 3927, т. 1, л. 149.
- ¹¹⁵ Там же, л. 159, 160.
- ¹¹⁶ Там же, д. 3927. (Информация из учетной карточки.)
- ¹¹⁷ Там же, т. 2, л. 262.
- ¹¹⁸ Там же, л. 290—291.
- ¹¹⁹ Там же, д. 3927. (Информация из учетной карточки.)
- ¹²⁰ Там же, т. 2, л. 296.
- ¹²¹ Там же, т. 1, л. 195.
- ¹²² Там же, л. 196.
- ¹²³ Там же, т. 2, л. 190—191.
- ¹²⁴ Там же, д. 45050, т. 4, л. 57.
- ¹²⁵ Там же, л. 49.
- ¹²⁶ Там же, т. 1, л. 2.
- ¹²⁷ Там же, д. 45050. (Информация из учетной карточки.)
- ¹²⁸ Там же, т. 1, л. 64.
- ¹²⁹ Там же, д. 45124, т. 3, л. 103, 104.
- ¹³⁰ Там же, д. 45050, т. 19, л. 378.
- ¹³¹ Там же, т. 13, л. 48.
- ¹³² Там же, л. 91.
- ¹³³ Там же, т. 9, л. 32.
- ¹³⁴ Там же, т. 17, л. 84.
- ¹³⁵ Там же, т. 18, л. 252.
- ¹³⁶ Там же, л. 228; ЛГИА, ф. Р-132, оп. 26, д. 12, л. 5.
- ¹³⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 14, л. 6.
- ¹³⁸ Там же, т. 10, л. 259.
- ¹³⁹ Там же, т. 9, л. 33.
- ¹⁴⁰ Там же, т. 1, л. 293—294.
- ¹⁴¹ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 13044, л. 265.
- ¹⁴² Архивное отделение департамента записи актов гражданского состояния Министерства юстиции Латвийской Республики (регистр рожденных в 1937 г. № 13 отделения ЗАГС города Крустпилса).
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 13042, л. 506.
- ¹⁴⁵ Архивное отделение департамента записи актов гражданского состояния Министерства юстиции Латвийской Республики (регистр рожденных в 1932 г. № 10 отделения ЗАГС города Крустпилса).
- ¹⁴⁶ Архивное отделение департамента записей актов гражданского состояния Министерства юстиции Латвийской Республики (регистр рожденных в 1937 г. № 26 отделения ЗАГС города Крустпилса). (В документе, по всей вероятности, ошибка, и имя девочки в действительности было Цива Д в е й р а. — *Ред.*)
- ¹⁴⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45050, т. 11, л. 8.
- ¹⁴⁸ Там же, т. 9, л. 136.
- ¹⁴⁹ Там же, д. 17347, л. 30.
- ¹⁵⁰ Там же, д. 15272, л. 62; д. 45050, т. 11, л. 176; т. 14, л. 328.
- ¹⁵¹ Там же, д. 45050, т. 9, л. 148.

- ¹⁵² Там же, т. 14, л. 334. (В акте по ошибке Моисей Лейбович был назван «Мейен», а Цива Дрейва Лейбович — «Сивко».)
- ¹⁵³ Там же, л. 15.
- ¹⁵⁴ Там же, т. 18, л. 223.
- ¹⁵⁵ Там же, т. 1, л. 33.
- ¹⁵⁶ Там же, л. 112, 113.
- ¹⁵⁷ Там же, т. 19, л. 315.
- ¹⁵⁸ Там же, д. 25781, л. 422. (О приведении в исполнение смертного приговора П. Озолиньшу (1911 г. р.) в архиве КГБ сведений нет.)
- ¹⁵⁹ ЛГИА, ф. 1308, оп. 12, д. 12930, л. 250.
- ¹⁶⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 3, л. 238.
- ¹⁶¹ Там же, д. 17347, л. 28.
- ¹⁶² ЛГИА, ф. 3705, оп. 1, д. 1, л. 2; д. 3, л. 27.
- ¹⁶³ Там же, д. 9, л. 11.
- ¹⁶⁴ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 3, л. 213.
- ¹⁶⁵ Там же, д. 45050, т. 17, л. 91.